

10 июня на очередном заседании семинара с докладом «**Категория смысла и возможность ее отражения в словаре (на примере *Опыта синонимического словаря языка А. С. Пушкина*)**» выступила к.ф.н. С. Н. Переволочанская (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова).

Доклад был подготовлен на базе следующих материалов:

1. Переволочанская С.Н. *Концептуальная оплотненность смысла* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Том 11. Номер 4 (6). С. 1587–1595.
2. Переволочанская С.Н. *Феномен смысла при описании синонимии* // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. С.-Петербург, 2010. Том 1. Филология. № 2. С. 239–251.
3. *Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина* / Под ред. В.А. Гречко. Составители: С.Н. Переволочанская, Е.Н. Широкова, И.В. Воденисова. Н. Новгород: НГУ им. Н. Лобачевского, 2000. Вып. I.
4. *Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина* / Под ред. В.А. Гречко. Составители: С.Н. Переволочанская, Е.Н. Широкова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. Вып. 2.

Слово – семантическая единица, втянутая в систему выражения смысла. Традиционная точка зрения на причину смыслопорождения заключается в том, что художественный текст, как особое семиотическое пространство, обладает определенной спецификой: в нем создаются особые условия актуализации лексических единиц, он выступает как «генератор смысла» (Ю.М. Лотман).

Тезис 1

Онтологическое осмысление глубинной категории смысла заключается в том, что областью залегания смысла является и языковая, и речевая, и ментальная сферы. Феномен смысла предстает единой сущностью в разных формах своего проявления (существует в разных «агрегатных состояниях»), в разных условиях бытования: на ментальном, языковом и речевом уровнях. Смысл мигрирует в этих областях, меняет свой онтологический статус, перевоплощается, метаморфирует. Он отражает определенную структуру знания, т. е. может рассматриваться как концептуализированная единица.

По этой причине в смысле как субстанции можно выделить интегральные и дифференциальные признаки. Интегральные признаки (общие субстанциональные качества) – база для объединения составляющих в парадигму, дифференциальные признаки – основа для выявления отношений противопоставленности внутри этой парадигмы. Смысл как триипостасная модель выглядит следующим образом: смысл

как концептуальная сущность — категориальная сущность — реальная сущность с разной степенью абстрагирования. В речи — конкретное, в языке — отвлеченное, в концептуальных системах — абстрактное.

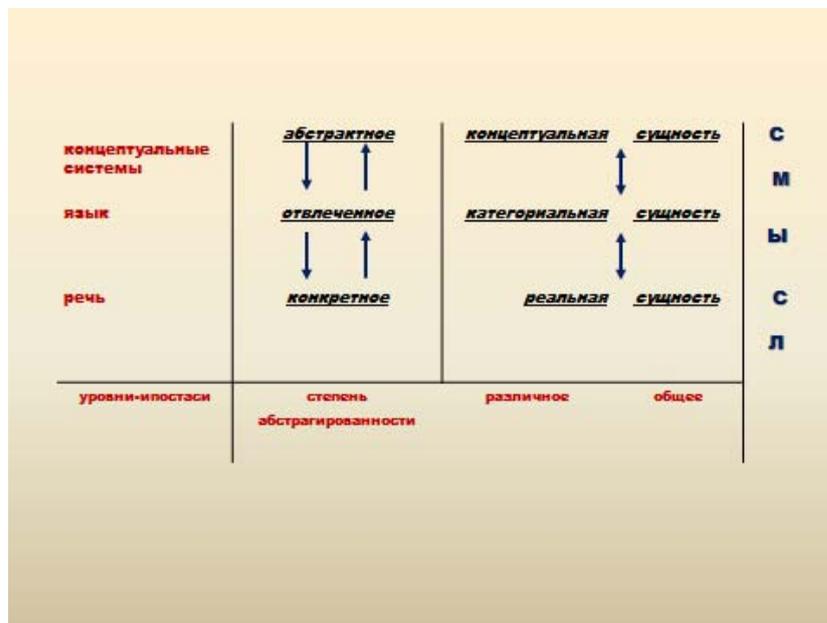

Рисунок 1. Трипостасность смысла

Парадоксальность феномена смысла обусловлена трансформацией разных сущностей смысла, их *смысловой метаморфозой*: из ментальности в языковую системность, из языка в речевую действительность (и обратно).

Смысл является тем субстратом, на базе которого соединяются ипостаси: концептуальная система — язык — речь. Смыслу здесь принадлежит функция содержательной стратификации. Это обеспечивает единую сущность и нераздельность указанной трипостасной модели, а разнородность уровней провоцирует неслиянность компонентов. Таким образом, выявляются три аспекта рассмотрения феномена смысла — концептуальный, языковой и речевой. Такое видение смысла возможно в комплексном научном описании: это стык диахронического и синхронического подходов.

Тезис 2

Обсуждение динамики смыслового развертывания следует начать с описания ментальной сферы, реализовавшей свою сущность в концептуальных системах. В упрощенном варианте речь должна идти об объекте из мира «идеальное» (А. Вежбицкая), о концепте как **вместилище** смысла. Очень часто смысл и концепт считаются рядоположенными явлениями, изоморфными.

Введение термина *концепт*, который условно обозначает данную содержательную область, очерчивает когнитивный контур смысла, создает концептуальное «оплотнение» смысла. Последнее может мыслиться как идеально существующая тонкая пленка (плазма), мысленно обволакивающая смысловой субстрат. Для нашего исследования важно проследить движение смысла внутри концепта, определить смыслопорождающую точку, интенцию смыслового развития. **Концепт** — это *смысловая метаморфоза, смысловая рефлексия*. С одной стороны, это источник смыслового движения, а с другой – конечный этап, сгусток, сконцентрированная энергия выраженного в символе смысла осуществляет сброс этого смыслового ига в концепт.

Смысл как часть ментальной сферы – *бесформенная субстанция*. Она представлена текущей мыслимой массой. Концепт улавливает и структурирует эту массу: он разбивает и организует вокруг себя смысловое пространство. Эта ядерная зона – хранительница того языка, который можно обозначить как «невоплощенный язык», не облаченный еще в материальные одежды, в некоем дознаковом его состоянии. «Язык никогда не будет тем, что мы мыслим, но тем, в чем совершается мысль»¹. Это область языкового мышления (область работы нашего интеллекта). Здесь происходит сцепление языкового и неязыкового знания, которое служит основой для проявления когнитивных способностей интеллекта человека, проявляющихся в интуитивной, рациональной и креативной сферах. Это и не язык как таковой, это потаенное место всеобщих смыслов, конструктов, семантических и грамматических, которые ищут свое отражение в специфических концептуальных системах (например, в концептуальной системе национального языка).

Пройдя через концептуальный фильтр – своеобразное сито, информационно-содержательный хаос превращается в нечто более определенное: вся смысловая ткань становится похожей на сеть смысловых сгущений. Последние подвергаются операционному воздействию мысли: мысль эти сгустки объединяет или разъединяет. Семантика, связанная с ментальной сферой, сферой языкового сознания может быть обозначена как семантические сети. Данное понятие есть указание на способ хранения знаний о мире в сознании человека. Значит, семантические сети – это ассоциативно организованный, ментально представленный каркас (некая «решетка»). Моменты соединения (узлы) внутри «невидимого» каркаса – точка размещения концепта.

Концепт – единица ментального уровня, конструкт с неявленной формой, односторонняя единица плана содержания, в отличие от фонемы, являющейся единицей плана выражения. Его можно представить как смысловую модель, более сложно устроенную по причине своей

¹ У. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2007. С. 31.

дуалистической сущности. Это единица односторонняя, только плана содержания, но активно проявляющая огромное желание быть означенной. В этом концепт характеризует себя как элемент энергетически заряженный. В своей тенденции к самообнаружению концепт заявляет о себе в **момент** соединения неязыкового знания с языковым знанием.

Тезис 3

Таким образом, **концепт** в силу указанных причин выступает как **слуга двух господ**: в содержательной части (в большей степени) – концептуальной системы, в момент поиска формы для означивания, репрезентации (в меньшей степени) – языковой системы.

Концепт как единица ментального уровня, как результат когнитивной обработки (квантования) смыслового потока, собственно и есть тот **квант**, который активно ищет языковую форму (или языковые формы), чтобы придать некую завершенность процессу. Направленный в определенное смысловое русло, он представляет собой средоточие смысловых пучков, стекающихся в одну глобально представленную точку – квинтэссенцию человеческого опыта по отражению реальной действительности, эти смыслы растворяются в языковой семантике, воплощаются в **языковом значении**. То, что осталось невостребованным, несемантизированным, нефиксированным смысловым содержанием, скрывается в потенциальной области **языкового смысла**. И та и другая категории имеют языковой статус, потому что сфера их бытования – **языковое содержание**. При этом всегда остается ощущение неполноты смыслопорождения, т. к. смысловой остаток остался лишь нереализованной потенцией (языковым смыслом).

Тезис 4

Двукомпонентность ментально представленного смысла нашла отражение в лингвистической семантике, которая выделяет в структуре лексического значения интенционал с минимальным набором общих признаков, как правило, отраженных в толковом словаре, и импликационал, открытая система, строящаяся на содержательном понятии с «вероятностной (стохастической) структурой»².

Объемность (глобальность) информации предполагает особую форму хранения данного типа понятия – в виде диффузно-свернутого знания, способного в любую минуту быть развернутым до мельчайших подробностей. Двукомпонентность кодифицированного в слове лексического значения соотносена в ядерной части с языковым значением, а на периферии с языковым смыслом. Лексическое значение — это их проекция.

² М.В. Никитин. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. С. 51.

Чем дальше от ядра, тем меньше сила векторного притяжения, тем сильнее стремление к распаду, тем активнее происходит вовлечение семантических «отщепенцев» в сферу действия другого понятийного ядра. Вся лексическая система при этом выступает как цельный организм, в котором обустроенные семантические поля слов зацеплены друг за друга своими перифериями в борьбе за присвоение предельно удаленных от ядра признаков. Пока эта борьба существует, язык живет и в этом черпает силы для своего развития.

Слово-норма более всего напоминает застывший конструктор. В нашем восприятии это семантический инвариант слова, нашедший отражение в словаре.

Словарь фиксирует норму, в него заносятся единицы с сигнификативным значением, предельно обобщенным, подкрашенным в иллюстративных примерах денотативным значением. Очень примечательна в этом отношении мысль Б. Кроче о словарных дефинициях как «кладбище кое-как подбальзамированных трупов».

Смысл взаимодействует с языковым значением в слове: он нашел удобную форму перетекающей конструкции. В нормативной отстаивающейся части значения он своеобразно нейтрализует свою онтологическую сущность и стилевое семантическое многоголосие. В этой норме смысл ищет равновесия. Отметим, что в языке смысл «реализует» себя только как возможность (семантическую валентность): явно он не присутствует.

Тезис 5

Реализация слова речи также будет носить двуаспектный характер: в речевом употреблении слова выделяются *эксплицитный* и *имплицитный компоненты* содержания речи. Первый актуализирует ядро лексического значения, словарное значение – интенционал. Импликационал находит отражение в имплицитном компоненте. В речи происходит смена фокуса внимания: имплицитный компонент приобретает особую важность, будучи скрытым в языковом плане в виде импликационной ауры, в речевом аспекте он выступает как развернутое содержание, проявляющееся в приращении имплицитного смысла, рождающегося из цепочки импликаций. Тогда в речи возникает любопытное явление: интенциональные признаки, реализованные в эксплицитном компоненте, отступая на задний план, образуют фон, на котором разворачивается потенциальная сила импликационных признаков (ср.: в языке таким фоном служило вероятностное поле импликационала). Таким образом, потенциальное поле смысла, существование в языке в виде ассоциативной ауры, в речи проявляет, актуализирует, реализует себя как имплицитный смысл. Данный факт напоминает явление аппроксимации. Таким образом,

можно говорить об обратно пропорциональной зависимости между представленными компонентами структуры значения в языке и речи.

Именно эта энергия смыслового присутствия (на языковой периферии значения) заставляет прорасти имплицитным смыслом речевое употребление. Свобода от языковой нормы дает семантический простор для «разбрызгивания» смыслов в речевых актах. Причина этого не только в текстовой уплотненности, которая заставляет языковой инвариант, опрокинутый в речь, работать на расширение смысла.

Тезис 6

Смысл, как вероятностная сущность, уже заложен в языке в виде потенциала импликационного содержания.

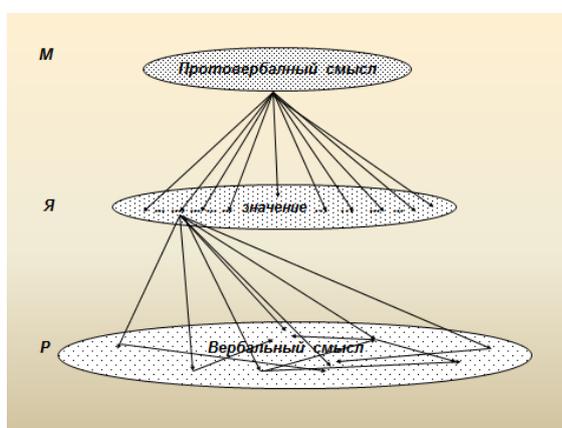

Рисунок 2. Тернарность категории смысла

Тернарность категории смысла (концептуальное намерение, семантическая проекция сущности, процесс понимания и интерпретации) проявляется в диалектическом взаимодействии статики и динамики. Таким образом, смысл является не только речевым феноменом в его языковом опосредовании, но и концептуальной категорией.

Язык в этой оппозиции занимает срединное положение – позицию нейтрализации, когда дифференциальные признаки членов оппозиции становятся скрытыми, предполагаемыми. Язык – место для «отстаивания» смысла, его осознания. Он спрятан на периферии языкового значения (в импликационале).

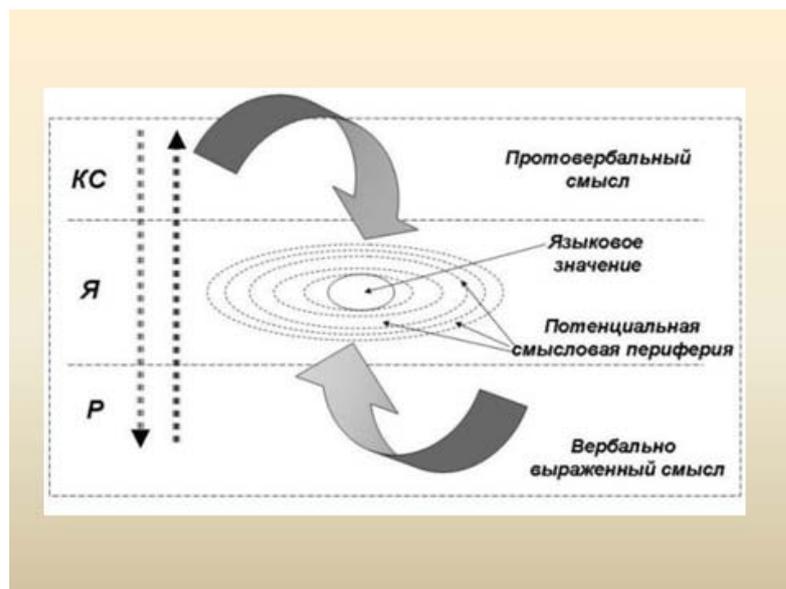

Рисунок 3. *Движение смысла*
(КС — концептуальные системы, Я — язык, Р — речь)

Следует констатировать следующий факт: в смысле обнаруживается две стихии, два потока, движущиеся навстречу друг другу. Протовербальный (чистый) смысл, пройдя через горнило языковой «десакрализации», вливается в речевую стихию. Здесь он интерпретируется, обрастает множеством связей и, будучи аккумулятивным, опять входит в языковое русло. Язык оказывается местом встречи по-разному организованных смыслов, способных менять материю языка. В серединной точке — норме — смысл концептуальный и смысл речевой встречаются. Именно здесь они воплощаются в значении. Важно отметить то, что смыслы не исчезают, а проникают на периферию значения слова с богатой стохастической структурой. Понятно, что характер этого смысла опосредованный, не прямой. При этом смысл не имеет точных форм своего выражения. Он блуждающая, движущаяся энергия. Смысл всегда подвижен. Значение статично, фиксировано.

Тезис 7

Интересно в этом смысле рассмотреть реализацию категории смысла в синонимическом словаре. Синонимия традиционно понимается как содержательное тождество единиц при наличии у последних дифференциальных признаков — оттенков значения (оттенков мысли). Семантическое равенство дает возможность объединить синонимы в одну парадигму, а оттенки значения обуславливают противопоставленность единиц внутри синонимического ряда.

В истинном смысле синонимия выступает только в парадигме тождества при наличии различительных семантических признаков.

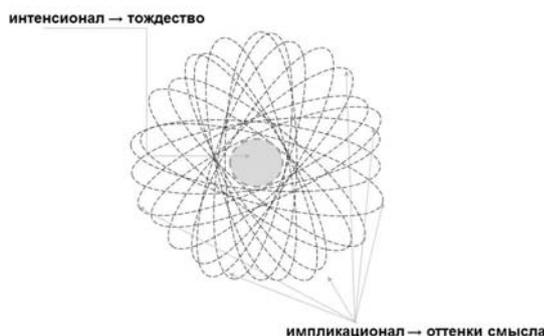
Потенциальная природа их не может быть объяснена только языковой синонимией, тем более речевой. Проблема синонимии расширяется до размеров своего потенциального сознания. Вследствие чего категория смысла становится основополагающей при описании синонимических отношений. Дело в том, что невидимая «плоть» концепта вмещает в себя богатство смысла. Будучи материализованным в языковом знаке, оно не может вместиться в границы слова: слишком велик смысловой объем концепта. Концептуальный смысл шире, чем его языковая фиксация в рамках знака, языковое содержание уже, чем речевой смысл. Тогда глобально мыслимый концептуальный смысл вынужден искать для себя формы адекватного выражения. Он (смысл) провоцирует языковой знак на проявление асимметрии между формой и содержанием. Так формируются разные типы семантических отношений, в том числе и синонимические. Но и это не компенсирует смыслового многообразия концепта. Он ищет своего воплощения и в других языковых единицах, у него нет одного определенного, закрепленного за ним знака. Есть совокупность знаков разной степени сложности, которые пытаются охватить смысловую область концепта: слово, ..., синонимический ряд, ..., текст, ... Этот ряд способов выражения концепта открыт, внутри него есть лакуны, т. к. нельзя перечислить все способы концептуального означивания. Их много.

Синонимы – очень удобная содержательная «форма» хранения концептуального смысла. Двухкомпонентность лексической единицы: интенциональное ядерное (сконцентрированное) содержание и стохастическая (вероятностно свободная) периферия импликационала – позволяет через некоторый набор таких единиц вместить глобальное по объему смысловое пространство концепта.

У синонимов ядерная часть лексического значения (интенционал) может совпадать, потому что это область одного концептуального содержания. Как следствие, область понятийной отнесенности у данных лексем совпадает. А импликационалы – вероятностный компонент значения – раскрывают разные области категоризованной субстанции, отображая всё (уже когнитивное) богатство смыслового поля данного концепта. Здесь и следует искать **область залегания потенциального оттенка значения**. Это несовпадающие элементы значения синонимов.

Как видно, процесс появления синонимических единиц – объективная необходимость, потому что одно слово не в состоянии отобразить весь смысловой многомерный континуум концепта.

Схематически это может быть отображено следующим образом:

Тезис 8

Спектр залегания потенциальных смыслов можно обнаружить в синонимическом ряду. Доминанта синонимического ряда отражает главную идею – глубинную смысловую суть концепта. Поэтому все члены синонимического ряда подчинены этой протOVERбальной сущности.

В языковой синонимии смыслы выражены лишь виртуально – как возможность, как стремление выйти из «сдавленной» парадигмы (нормы) языка. Хотя отметим важную деталь: здесь в количественном и качественном отношении концептуальные смыслы представлены шире, чем в одной лексической единице. То, что в языке в синонимическом ряду оказывается недостаточно выраженным, в речи обретает свою смысловую завершенность.

Стилевое разнообразие на фоне выхолощенной нормы можно продемонстрировать на примере синонимии языка А.С. Пушкина.

В качестве примера воспользуемся синонимическим рядом, изъятим из «Опыта синонимического словаря языка А.С. Пушкина». Этот ряд можно расширить за счет введения в него мифонимов, использование которых в символической функции является отличительным признаком пушкинской эпохи.

Ряд с доминантой *женщина*. Номинально этот ряд выглядит следующим образом: *женщина, дама, баба, жена, бабенка, Богиня, царица, Венера, Киприда, Минерва, Муза, Гебея, Цирцея, Диана, Флора, перен. Богородица, перен. Богоматерь, в соч. крестница Киприды, наперсница Венеры, дитя Харит, рублевая Киприда, рублевая Варюшка.*

Семантическая доминанта ряда – *женщина*. Данная единица включает в себе предельно общее, связанное с гендерным фактором понятие, которое является основой объединения синонимов в данную парадигму, – 'лицо, противоположное мужчине по половому признаку'. Другие члены ряда характеризуются близким смысловым разбросом, при этом в контексте актуализируется та или иная специфика. Смысловое многообразие отражает цепочка импликаций. Отметим некоторые характерные семантические признаки ряда.

’Светскость’ – дама, жена, бабенка (стилистически маркировано). «Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки» Дубровский.

’Социально низкий статус’ (’крестьянка ’) – баба. «Три утки поласкались в луже, шла баба через грязный двор Белье повесить на забор» Граф Нулин.

’Фольклорность образа’ – баба. «Ум у бабы догадлив, на всякие хитрости повадлив» Сказка о попе и работнике его Балде.

’Образованность’ – женщина. «Нет сомнений, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые бог знает чем» Путешествие в Арзрум.

’Замужество’ – баба, жена. «Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навеки» Из письма Н.Н. Пушкиной.

’Женская зрелость’ – жена, баба, Минерва, Венера. «Сюда приехала княгиня Вера Вяземская, добрая и милая баба, впрочем, уже не в первом цвете молодости» Из письма В.Л. Пушкину.

Наиболее ярко в данном синонимическом ряду отражены следующие признаки.

’Женская красота’ – Венера, Киприда, Гебея, богиня, Диана, Флора, Муза. «И ныне Музу я на раут привожу» Евгений Онегин.

’Женщина как предмет поклонения’ – дама, царица, бабенка (стилистически маркировано), дитя Харит, наперсница Венеры, крестница Киприды.

’Красивая женщина как источник вдохновения’ – перен. богородица, богородица. «Ты богородица, нет сомненья, Не та, которая красой Пленила только дух святой <...> Есть бог другой земного круга <...> Им мучусь, им утешен я. Он весь в тебя – ты мать Амура, Ты богородица моя!» К***.

’Красивая женщина-обольстительница’ – богиня, Цирцея. «Я твой – я променял порочный двор Цирцей, роскошные пиры, забавы, заблужденья На мирный шум дубрав, на тишину полей» Деревня.

’Ветреная женщина, отличающаяся легкомысленностью поведения’, – Цирцея, рублевая Киприда, рублевая Варюшка.

В данном ряду значительное место занимают мифологические имена. В целом приращение смысла в них охватывает одинаковые области семантических отношений, при этом включаются некоторые смысловые нюансы, что и позволяет рассматривать мифонимы в системе символического обозначения как синонимы. Анализ материала показывает, что большей смысловой активностью по сравнению с другими членами синонимического ряда обладают мифологические имена-символы. Причина не только в их символической сущности, но и в характере поэтических контекстов.

Представленный синонимический ряд объединил слова с разным символическим объемом. Символическая сущность наиболее ярко выражена в мифониме, так как его форма сверхзначима для выражения концептуальных понятий. Мифоним – особая категория ономастических единиц, его лексический фон, импликационное поле проявляет многообразие связей с сюжетами античного мифотворчества. В речевом плане эти компоненты реализуются как эффект эмоционального воздействия, в котором предполагается взаимопроникновение разных пластов: эстетического, культурного через эмоциональный слой. В речевом употреблении происходит «всплеск» информации, вызванный соотносительностью с тем или иным ключевым сигналом – семантическим признаком, за счет чего контекстные условия преобразуют его в бесконечную цепь смысловых приращений.

Ряд с доминантой *любовь*. Данное ключевое слово отражает понятийно-содержательное ядро концепта, обозначенного данной лексической единицей.

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой ряд приводится в своем универсальном виде: *любовь, влюбленность, страсть, влечение, увлечение, сердечная склонность, (нежное) чувство, Эрос (книжн.), нежная страсть (устар.)*

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова синонимический ряд включает более широкий набор единиц: *любовь, влечение, увлечение, привязанность, склонность, наклонность, слабость (к чему), страсть, пристрастие, преданность, тяготение, мания, симпатия, верность, благоволение, благорасположение, благосклонность, доброжелательство, предрасположение; амур.*

В словаре «Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина» синонимический ряд представлен во всем многообразии авторских смыслов:

любовь(547), страсть (64), Амур(37), Киприда (20), Эрот (16), Венера (14), Купидон (13), мука (5), влечение (2), мать наслаждений (2), Афродита (1), влюбчивость (1), Кифера (1), сердечные борения (1), Цитера (1), Цитерея (1).

Формой для смысла становится синонимический ряд.

Пример словарной статьи³

Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина. Вып. 1. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999.

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор

В.А. Гречко

Составители:

В.А. Гречко, доктор филологических наук, профессор,

С.Н. Переволочанская, кандидат филологических наук,

Е.Н. Широкова, кандидат филологических наук,

И.В. Воденисова, аспирантка

Опыт синонимического словаря языка А.С. Пушкина. Вып. 2. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор

В.А. Гречко

Составители:

кандидат филологических наук, доцент **С.Н. Переволочанская,**

кандидат филологических наук, доцент **Е.Н. Широкова**

ЛЮБОВЬ(547), СТРАСТЬ (64), АМУР(37), КИПРИДА (20), ЭРОТ (16), ВЕНЕРА (14), КУПИДОН (13), МУКА (5), ВЛЕЧЕНИЕ (2), МАТЕРЬ НАСЛАЖДЕНИЙ (2), АФРОДИТА (1), ВЛЮБЧИВОСТЬ (1), КИФЕРА (1), СЕРДЕЧНЫЕ БОРЕНИЯ (1), ЦИТЕРА (1), ЦИТЕРЕЯ (1)⁴.

ЛЮБОВЬ: С – 450, ХП – 38, Д – 25, Пб – 24, Пс – 10. *Чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола.* «Я вас любил: **любовь** еще, быть может, В душе моей угадала не совсем», *Я вас любил: любовь еще быть может;* «Он стар. Он удручен годами, Войной, заботами, трудами; Но чувства в нем кипят, и вновь Мазепа ведаёт **любовь**», *Полтава;* «Если когда-нибудь, - сказал Он [Герман], - сердце ваше знало чувство **любви**, если вы помните ее восторги, <...> то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери, - всем, что ни есть святого в жизни – не откажите мне в моей просьбе!» *Пиковая Дама;* «П е р в ы й г о с т ь. Из наслаждений жизни Одной **любви** Музыка уступает; Но и **любовь** мелодия...» *Каменный гость;* «Сестра ее [Акуловой] Варвара сошла с ума от **любви**. Она была влюблена и поднялась выдти замуж. Надежда не сбылась», *Н.Н. Пушкиной 4 мая 1836.* *Олицетв.* «Мне дружба руку подала, Она **Любви** подобна милой В одной лишь нежности была», *Стансы (Из Вольтера);* «Летит от старика **любовь** в толпе веселий», *К Лицинию.* *О богине любви Венере.* «Люби друзей, храни о них воспоминанье, Молись и Кому и **Любви**», *К Каверину.* *Отношения двух лиц, связанных чувством*

³ Цифры указывают на количество употреблений. Условные сокращения обозначают жанровую закрепленность: С – стихотворная речь, ХП – художественная проза, ИП – историческая проза, Д – драматические произведения, Пб – публицистика, Пс – письма. В текстовых примерах дается авторская пунктуация и орфография.

⁴ В иллюстративных примерах соблюдена авторская (пушкинская) орфография и пунктуация.

любви. «На ложе из цветов Она [красавица Леда] покоится в объятиях Зевеса; Меж ними юная **любовь**, - И пала таинства прелестного завеса», *Леда*; «Надо мне скорей Развеселить воображенье Картиной счастливой **любви**», *Евгений Онегин*; «Новое обстоятельство еще более запутало ее [графини] положение. Обнаружилось следствие неосторожной **любви**», *Арап Петра Великого*. **В назв. вымышленного, в действительности не существующего романа.** «Она [Наталья Павловна] сидит перед окном. Пред ней открыт четвертый том Сентиментального романа: **Любовь** Элизы и Армана, Иль переписка двух семей», *Граф Нулин*. **О любимых, возлюбленных.** «Пускай мне дружба изменяла, Как изменяла мне **любовь**», *Ф.Н. Глинке*. **О любовных ласках, наслаждениях.** «Кто к торгу страстному приступит? Свою **любовь** я продаю; Скажите: кто меж нами купит Ценою жизни ночь мою?» *Клеопатра*; «Златой зари раскинулись покровы; Но, утомлен **любовью** и тоской, Покоится воитель молодой», *Гараль и Гальвина*.

СТРАСТЬ: С – 44, ХП – 13, Д – 2, Пб – 4, Пс – 1. **Сильная, пылкая любовь к лицу другого пола, любовное, чувственное влечение.** «Но, **страстью** пылкой утомленный, Не ест, не пьет Руслан влюбленный; На друга милого глядит, Вздыхает, сердится, горит», *Руслан и Людмила*; «Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет, Печален **страсти** мертвый след», *Евгений Онегин*; «Он [Алексей] говорил языком истинной **страсти**, и в эту минуту был точно влюблен», *Барышня-крестьянка*; «Дмитрий (*гордо*). Игра войны кровавой, Судьбы моей обширные заботы Тоску любви, надеюсь, заглушат – О как тебя я стану ненавидеть, Когда пройдет постыдной **страсти** жар!» *Борис Годунов*; «Один из них [из молодых людей] нежно утешал другого, несчастного любовника венчаемой девицы. А несчастный любовник, с воздыханием и слезами, надеялся со временем забыть безумную **страсть**», *Н.Н. Пушкиной, 25 сентября 1832 г.* **О любовных ласках, наслаждениях.** «Наслаждайся. Наслаждайся; Чаше кубок наливай; **Страстью** пылкой утоляйся, И за чашей отдыхай», *Лицинию*; «Ты рожден для неги томной, Для упоения **страстей**», *Гречанке*.

АМУР: С – 37. **Поэт. Иносказ. Символ любви.** «Лишь сон на смертных налетает, **Амур** в молчании ночном Фонарь любовнику вручает, И сам счастливца провожает к уснувшему супругу в дом», *Амур и Гименей*; «Слепой **Амур**, жестокий и пристрастный, Вам терния и мирты раздавал. <...> Иным из вас на радость указал; Других навек печальями связал И в дар послал огонь любви несчастной», *Любовь одна – веселье жизни хладной*. **О муках любви.** «**Амур**, уж я не твой, Отдай мне радости, отдай мне мой покой», *Элегия*; «Пускай любовь Овидии поют, Мне не дает покоя Цитерея, Счастливых дней **Амуры** мне не вьют», *Сон (отрывок)*. **О любви как источнике вдохновения.** «Дивись: ты побежден! Воспитаны **Амуром** Вержье, Парни и Грекуром Укрылись в уголке», *Городок*; «Я живал да попевал, Как, смеясь во зло **Амуру**, я писал карикатуру На любезный женский пол», *К Наталье*. **Перифраза. Поклонник и певец Амура.** «Критон, поклонник и певец Харит, Киприды и **Амура**», *Египетские ночи*.

КИПРИДА: С – 20. **Поэт. Иносказ. Символ чувственной любви.** «Поутру сладко дремлет он, Читая листик Инвалида; Весь день веселью посвящен, А в ночь – вновь царствует **Киприда**», *К Щербинину*; «Он оживляет тайной силой Твои неясные мечты, Вздыхает нежно с бедной Лидой И гонит тихою рукой И сны, внушенные **Кипридой**, И сладкий девственный покой. В уединенном наслажденьи Ты мыслишь обмануть любовь», *Платоническая любовь*. **О муках любви.** «Уж мало ли любовь играла в жизни мной? Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, В обманчивых сетях, раскинутых **Кипридой**», *Каков я прежде был, таков и ныне я*; «[Мой взор встречал] близ дивных берегов Увядших юношей, отступников пиров, На муки тайные **Кипридой** осужденных», *Я видел Азии бесплодные пределы*; «Вокруг ручьев его волшебных Больных теснится бледный рой; Кто жертва чести боевой, кто почечуя, Кто **Киприды**», *Евгений Онегин*. **О любовных утехах.** «Так Лемноса хромою кузнец, Прияв супружеский венец

Из рук прелестной Цитереи, Раскинул сеть ее красам, Открыв насмешливым богам **Киприды** нежные затей», *Руслан и Людмила. Об описании эротических сцен в литературном произведении.* «Хемницер Истинну с улыбкой говорил, Наперсник Душеньки двусмысленно шутил, **Киприду** иногда являл без покрывала – И никому из них цензура не мешала», *Послание цензору. Перифраза. Друзья Киприды.* «Все те же ль вы, друзья веселья, **Друзья Киприды** и стихов? Часы любви, часы похмелья По прежнему ль летят на зов Свободы, лени и безделья?» *Из письма к Я.Н. Толстому. Перифраза. Крестница Киприды.* «Ольга, **крестница Киприды**, Ольга, чудо красоты», *О. Массон. Перифраза. Прелестный баловень Киприды.* «Любимец ветреных Лаис, **Прелестный баловень Киприды** – Умей сносить, мой Адонис, Ее минутные обиды», *Юрьеву. Перифраза. Любимец Киприды.* «Но не могу с тобою плыть К брегам полуденной Тавриды. Прошу меня не позабыть, **Любимец Вакха и Киприды!**» *Давыдову.*

ЭРОТ: С – 16. *Поэт. Иносказ. То же, что Амур.* «Амур совсем друзья не слеп; Но шалуну пришла ж охота, Чтоб людям на смех и на зло, Его безумие вело. Безумие ведет **Эрота**: Но вдруг, не знаю почему, Оно наскучило ему», *Амур и Гименей;* «Когда ж нечаянной порой Стихи кропать нейдет охота, На славу Дружбы иль **Эрота**, - Тотчас я труд окончу свой», *Моему Аристарху.*

ВЕНЕРА: С – 13, Пб – 1. *Поэт. Иносказ. Символ любви.* «Беллона, Муза и **Венера**, Вот, кажется, святая вера Дней наших всякого певца», *Послание В.Л. Пушкину;* «Насытись жизнью у юных дев в гостях, Простимся навсегда с Веселием шумливым, С **Венерой** пылкою, и с Вакхом прихотливым», *К Каверину;* «Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие: смолоду, вероятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят. Он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над **Венерою**», *Table-Talk. Перифраза. Читатель Венеры.* «Вдруг из глубины пещеры **Чититель** Вакха и **Венеры**, Резвых Фавнов господин, Выбежал Эрмиев сын», *Блаженство. Перифраза. Венеры набожный поклонник.* «Ленивый Пинда гражданин, Свободы, Вакха верный сын, **Венеры набожный поклонник** И наслаждений властелин!» *NN <В.В. Энгельгардту>. Перифраза. Друг Венеры.* «Друг Марса Вакха и **Венеры** Тут Л<Унин> дерзко предлагал Свои решительные меры», *Евгений Онегин. Перифраза. Шалун, увенчанный Эротой и Венерой.* «Шалун, увенчанный Эротой и **Венерой**, Ты ль узника манишь в владения свои В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой, Где нежился Табулл, Мелецкий и Парни?» *К Шишкову. Перифраза. Наперсница Венеры.* «Тебе, **наперсница Венеры**, Тебе, которой Купидон И дети резвой Цитеры украсили цветами трон», *Послание Лиде.*

КУПИДОН: С – 13, *Поэт. Иносказ. То же, что Амур.* «дай бог, чтоб в страстном упоеньи, Ты с томной сладостью в очах, Из рук младого **Купидона** Вступая в мрачный чолн Харона, Уснул... Ершовой на грудях!» *Князю А.М. Горчакову. О любовных утехах.* «Приют любви, забав и лени, Где с Анжеликой молодой, С прелестной дочерью Галафрона, Любимой многими – порой Я знал **утехи Купидона**», *Из Арностова «Orlando furioso». В перифразе. Любимец Купидона.* «То Фавн, угрюмый житель Лесов и гор крутых, Докучливый гонитель Пастушек молодых **Любимца Купидона** – Прекрасного Филона Давно соперник он», *Фавн и Пастушка.*

МУКА: С – 5. *То же, что любовь.* «К чему смеяться надо мною, Когда я слабою рукой По лире с трепетом брожу И лишь изнеженные звуки Любви, сей милой сердцу **муки**, В струнах незвонких нахожу?» *Тургеневу. О страданиях несчастной любви. В соч. Муки сердца.* «Не плачь: и я гоним судьбою, И **муки сердца** испытал. Нет, я не знал любви взаимной, Любил один, страдал один», *Кавказский пленник. В соч. Сердечные муки.* «Чуть отрок, Ольгою плененный, **Сердечных мук** еще не зная, Он [Ленский] был свидетель умиленный Ее младенческих забав», *Евгений Онегин. В соч. Муки любви.*

«В них сердца утешенье, Награда для певцов, И мук любви забвенье, И жар моих стихов», *Погреб. В соч. Ревнивая мука.* «Блаженный тот, кто их не знал, Кто охлаждал любовь – разлукой, Вражду – злословием; порой Зевал с друзьями и женой, **Ревнивой** не тревожась **мукой**», *Евгений Онегин.*

ВЛЕЧЕНЬЕ (ВЛЕЧЕНИЕ): С – 2. *Особое расположение к лицу другого пола, состояние влюбленности.* «Когда б не смутное **влечение** Чего-то жаждущей любви, Я здесь остался б – наслажденье Вкушать в неведомой тиши», *Когда б не смутное желанье;* «За что ж виновнее Татьяна? <...> За то ль, что любит без искусства, Послушная **влечению** чувства, Что так доверчива она <...>?» *Евгений Онегин.*

МАТЕРЬ НАСЛАЖДЕНИЙ: С – 2. *В соч. Перен. То же, что Киприда. О чувственной любви.* «Клянусь... - о **матерь наслаждений**, Тебе неслыханно служу, На ложе страстных искушений Простой наемницей всхожу. Внемли же, мощная Киприда, <...> Клянусь до утренней зари Моих властителей желанья Я сладострастно утомлю», *Египетские ночи.*

АФРОДИТА: С – 1. *Поэтич. Иносказ. Символ любви.* «Не дерзал в стихах бессмысленных Херувимов жарить пушками, С сатаною обитать в раю, Иль святую богородицу Вместе славить с **Афродитою**. Не бывал я греховодником!» *Бова.*

ВЛЮБЧИВОСТЬ: Пс – 1. *Страстное, кратковременное, быстро возникающее влечение к лицу другого пола.* «Объясни мне, милый, что такое А.П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь – но *славны Лубны за горами.* На всякий случай, зная твою **влюбчивость** и *необыкновенные таланты* во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным», *А.Г. Родзянке, 8 декабря 1824.*

КИФЕРА: С – 1. *Поэт. То же, что Киприда.* «Молись и Вакху и любви И черни презирай ревнивое роптанье; Она не ведает, что дружно можно жить С **Киферой**, с портиком, и с книгой, и с бокалом», *К Каверину.*

СЕРДЕЧНЫЕ БОРЕНИЯ: Пб – 1. *В соч. Любовные переживания.* «Политика, общественная польза <...> Могло быть единственными предметами трагедии; где дело шло о любви, о **сердечных борениях**, не исключая и Заиры, все это он [Арно] причислял к комедии», *Французская академия.*

ЦИТЕРА: С – 1. *Поэт. Иносказ. То же, что Киприда.* «Тебе, наперсница Венеры, Тебе, которой Купидон и дети резвые **Цитеры** Украсили цветами трон, <...> Тебе приветливый поклон, Любви венки и меры звон», *Послание Лиде.*

ЦИТЕРЕЯ: С – 1. *Поэт. Иносказ. То же, что Киприда. О муках любви.* «Пускай любовь Овидии поют, Мне не дает покоя **Цитерея**, Счастливых дней Амуры мне не выют: Я сон пою, бесценный дар Морфея», *Сон (отрывок).*